

Виталий

Штеттпель

ПОРТРЕТ

Вместо предисловия

Хотелось бы поблагодарить редакцию за предложение опубликовать стихи в журнале «Простор», который очень ценю ещё со времён юных лет. Будучи сам редактором (журнал поэзии «Плавучий мост»), подобные предложения, из соображений корректности, я до сих пор отклонял. Но это особый случай. Я родился в Казахстане. А село Петровка в Астраханском районе Целиноградской области навсегда останется для моего сердца центром вселенной.

* * *

Уезжаешь бог весть куда.
Знаешь, что навсегда.
Думаешь: как бы, где бы
Уютный найти шесток.
Теряешь при этом небо,
Как носовой платок.

А раньше думал: оно
Везде глубины одной.
Потом начинаешь рыться
В кармане, искать платок.
И почему-то – злиться:
Боже, как ты жесток!

Что она, та страна? –
Небо, где нету дна.
Гелиос в колеснице
Едет, вовсю трубя.
Дай мне испить водицы,
Дай позабыть себя.

2010

* * *

По утрам просыпается Бог,
протирает глаза
и думает:
«Ну – что сегодня
мне ждать от тебя,
беспокойное племя людское?»

2010

* * *

Свет за окном синий,
Звёздная – выше – рябь.
Рвётся месяц-разиня
Из тополиных лап.

Мягкое и живое
Что-то во мне болит.
Из флюидов покоя
Этот мир состоит.

Что же я жду бури,
Что ж так тревожно мне
В комнатной кубатуре,
В мёртвой её тишине?..

1978

* * *

А я люблю тебя – такую,
Какая есть ты для меня.
Когда со мною ты – ликую,
А нет – я мёрзну у огня.

Прекрасна ты и в фас, и в профиль,
Ну где мне до тебя такой?
Сам Бог тебя мне приготовил
В своей небесной мастерской!

А я люблю тебя – подробно,
До каждой мелочи пустой.
За то, что чувства первородны,
За то, что нет такой другой!

За то, что плачу и ревную,
И, если больше не могу,
Тебя на облаке рисую
И вслед за облаком бегу.

И не жалею, возвращаясь,
Что небу часть себя отдал, —
Пускай плывёт твой лик, качаясь,
Как бурей сорванный причал!

1979

* * *

Он в клетке. Слушает пластинки.
Ест сласти, не держа слюны.
Звериные его инстинкты
До времени затаены.

То в полудрёме изогнётся,
То кротостью окрасит блик.
Но, вдруг, мгновенный раздаётся
Над зоопарком грозный рык.

Вам право есть,
Да нет — закона,
Мне ж — в чёрных прутьях небеса.
И смотрят злобно-отчуждённо
Неторопливые глаза.

1981

* * *

Ты откуда же, старушка? —
Средь вокзальной толчеи
Тянет сморщенную ручку,
Собирает пяточки.

Не шутя, не на потеху.
Что же это — не пойму —
В нашей сытости прореха,
Но откуда? Почему?

1983

* * *

И выпал первый снег
Без признаков печали,
Тот самый первый снег,
Который мы так ждали.

Он лёгок и несмел,
Как сновиденье краток

И абсолютно бел
От головы до пяток.

Он падает, кружась,
И что-то говорит вам,
Он во спасенье нас
Высокая молитва.

Горит, горит свеча,
Высвечивая лица.
И верует душа –
Лишь ум признать стыдится.

1985

* * *

Я люблю вас ещё меньше, чем вы меня.
Но я страдаю, как камень, летящий в пустоту
И не видящий цели.
А вы спокойны.

Я люблю вас ещё больше, чем вы меня не любите,
Возможно, даже ненавидите –
За то, что я не тот,
Не такой, не избранный.
Но вы желаете, чтобы я был вашим.
И есть ли в этом смысл?
Ведь даже у летящего камня должна быть какая-то цель!

Но, может быть, вы и есть тот самый камень,
Летящий в пустоту
И мечтающий причинить боль
Лишь потому, что он брошен.

1999

* * *

Может, оттого, что люди гады,
Ну а жизнь – не праздник, не банкет,
Оттого ль, что в муках помер дядя,
И, как вышло, честных правил нет,

Не ищу и не желаю сходства
Даже с теми, коим – исполать,
А стихи писать – такое скотство,
Что нельзя их просто не писать.

2005

* * *

Я тебя вожу, как бедный рикша,
По планете этой взад-вперёд.
О тебя небесный свод расшибся, —
Думаю, что звёзд не соберёт.

Я тебя храню от катаклизмов,
Дабы не извергнулся вулкан,
От харизмов и от прочих измов,
От нездешних сил и от мирян.

Я тебя как утро выдыхаю,
Обряжаю в сон и в словеса,
Створки неба на ночь запираю,
Чтоб не ускользнула в небеса.

И не понимаю между этим
Истину изглоданную ту:
Я тебя ищу по всей планете
И, как Цербер, вою в пустоту.

2005

* * *

Всё это – пан или пропал,
И – в бездну кануть.
Конечно же, Иосиф знал,
Что был обманут.

Но он как плотник был не плох,
По части тары.
А то что Бог... При чём здесь Бог?
Он – Страдивари!

2006

* * *

У поэтов – у них что у прачки:
Всё подачки одни да заначки.

И откушав по случаю плотно,
На дурняк выпивают охотно.

Но такие они отморозки,
Что чужие не носят обноски.

И за то они любят свободу,
Что писать не умеют в угоду.

Ну, а если в угоду и пишут –
Так ведь то по велению свыше.

2006

* * *

Наш дворик маленький
Расползся весь по шаруку,
И только Серик в нём остался, будто страж.
Ну, правда, Саня в небесах,
Он тоже вроде на часах,
А также спит там на скамеечке алкаш.

Наш дворик маленький –
Там пили мы по шкалику
И шли на танцы, где шпаную правил Бес.
Но если с нами был Шахрай,
То лучше нас не задирай,
И туговато приходилось, если без.

Наш дворик маленький –
Там жили все мы налегке,
Но каждый по уши во дворик был влюблён.
Там на верёвке бельевой
Не всё блистало новизной,
И был в почёте маргинальный самогон.

Наш дворик маленький,
А всё-таки удаленький.
Какие тайны он хранит – молчи, Мадрид!
Там сам профессор из светил
Всё от жены своей ходил,
Куда ходил – вас тётя Фрося просветит.

Наш дворик маленький,
Там были мы – охальники,
В беседке пели и курили чинари.
Там, между прочим, Лилька Гааз
Нам рассказала про оргазм,
И хором Лильку мы просили: повтори!

Наш дворик старенький, –
Сударыни, сударики,
Дороже сердцу он любых шехерезад.
Там Серый ждёт. Звонит – приедь.
А я молчу. А он – ответь.
А я не знаю, что мне Серому сказать.

2006

ЧТО, АХИЛЛ...
(из Георга Бриттинга, 1891–1964)

Без шлема,
Впереди собачьей своры,
По склону каменистому предгорья
На вороном коне она.
Колчан на нежном девичьем бедре.

Над нею сокол кружит в небе синем,
Бездонном небе.
Бесконечно синем
И бездонном небе.

Он камнем упадёт на жертву,
Когтями тело разорвёт
И клюв утопит в кровь,
Чтоб жажду утолить – пурпурным этим соком,
Что так пьянит весь соколиный род.

Грудь всадницы обнажена,
Глаза – гневны.
Псы рвутся, в ярости тигроподобны.
Сверкает золотом узда на вороном.
Она его остановила.

Весь освещён,
Из леса вышел, нет – себя явил,
Прекраснейший из всех мужчин,
Сильнейший из атлетов.
На мощной шее голова, как яблоко.

Он видит всадницу.
Она – его.
Так две грозы, столкнувшись грудью
На утреннем или вечернем небе,
На миг стихают.

От крови сокол пьян. На жертву оседает.
Что на сердце твоём, Ахилл?
Оно горит
И рвётся из груди,
Как будто знает,
Кого ты бросишь на железный щит!

* * *

Падает лёгкий сентябрьский лист
По синусоиде в рай корневища.
Пусто. И только чудак цивилист
Бродит, как вёсельщик по пепелищу.

Что его гонит? Угасший очаг?
Дом опустевший, где так одиноко?
Злая тоска? Или просто печаль –
О невозвратном, прекрасном, далёком?

2007

* * *

Геометрия домов, размытая туманом.
Латерны, признавшие свою бесполезность.
Город в медитативном трансе,
Принявший позу йога.

Хочется быть башенным краном,
Чтобы заглянуть в бездну,
Где иные миры, будто книги в ранце,
За плечами у Бога.

2008

* * *

Согреть дыханием свирель,
И знать: могло быть хуже.
Апрель, споткнувшись о метель,
Растёкся к полдню лужей.

Продрог, бедняга, до основ –
Мальчишка, привередник:
Зачем мне голос, если слов
Не слышит собеседник?

Но яблонька в моём саду –
Ему: «Я жду тебя, я жду!»
И тополь – как в насмешку:
«Не мешкай, брат, не мешкай!»

Ещё овалы крон пусты,
И снег на бугорочке,
Но мокрые стоят кусты,
Выплёвывая почки.

2009

ПОРТРЕТ

Она пережила землетрясение.
Она пережила войну.
Познала человеческое небрежение.
Проживала во многих странах.
Изучила их языки и обычаи.
Единственный обычай своего народа,
который она помнит –
ходить в гости без приглашения,
просто – как сосед к соседу,
она исполнять не может.
Ибо там, где она живёт,
это не принято.
Она имеет всё для того, чтобы быть
счастливой:
она молода, красива, умна.
К тому же у неё есть выбор:
она знает языки и обычаи многих народов.
Я говорил с ней о счастье.
Она спросила меня:
возможно ли счастье без самого маленького
землетрясения,
без самой маленькой войны?
Я ответил ей честно:
Такое, увы,
невозможно.

Она не желает счастья
даже с самым маленьким землетрясением
и ничтожно маленькой войной.

2009

* * *

Был вечер – чудный. Ты была прекрасна.
А впрочем, я иной тебя не видел.
Ведь это так – тебя иной не видел, –
Но будто внове постигался мир.

Слетали звёзды запросто на кровли
И под ноги катились, упреждая
Наш каждый шаг. И странно было видеть
Небесное на маленькой земле.

Спал город или только притворялся
Всем зрением и слухом стен и окон:

Нас уводили улочки в задворья,
И он страдал, уже не видя нас.

А тот, кто сочиняет наши драмы,
Тому дивился, что дивиться может,
И у него на длинном удилице,
Как поплавки, качались купола.

И понял я, в глаза любимой глядя,
Уже от них не в силах оторваться:
Нет ничего на этом белом свете
Прекраснее коротенького счастья
Длиною в человеческую жизнь.

2010

* * *

Сквозь ночь ты услышишь: Любимая, спи!
Ты есть, я – оправдан. Я сорван с цепи –
Такая в душе заварушка.
И рад искушению вычислить пи
По раковине твоего ушка!

Любимая, спи. На тетрадном листке
Твой профиль рисую. Я б умер в тоске,
Но там, в галерее бездонной,
И звёздам так тесно у неба в лотке,
Что хочется верить Ньютону.

А значит, звезда упадёт на карниз.
И может быть, всё же он здесь – парадиз,
На этой планете любезной,
Где вдруг ощущаешь, что падаешь вниз,
А сам – воспаряешь над бездной.

О чем я, к чёму? Просто ты далека,
И так продолжительны были века
У времени на циферблате,
И то, что случается наверняка,
Так часто подобно расплате.

Любимая, спи. Разделённые сном,
Как тысячью миль, – и сейчас, и потом
Мы рядом. И, будто от солнца,
Закрывшись ладонью, как птица крылом,
В неё перешёптывай сон свой.

2010

* * *

На глади зеркала, вернее – под,
В пространстве, уходящем в амальгаму,
Ты, обнажённая, так подалась вперёд,
Что кажется, что ты играешь гамму.

Мир растворился – есть лишь ты одна,
И свет свечи – как соглядатай – рядом.
Нет, не гармонию ты увлечена –
Нагромождением звуков, их разладом.

Ты вся в себе, и это – как побег,
В одном лице – любовница и жрица:
«О, дай мне, боже, совершить свой грех,
И от греха потом освободиться!»

2011

ПОБЕДОНОСНЫЙ ГЕНЕРАЛ

(Около 2300 г. до н. э., Египет. Автор неизвестен)

Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как пересёк страну наших недругов.
Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как вытоптал земли наших недругов.
Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как разрушил их крепости.
Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как вырубил их фиговые деревья и виноградники.
Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как сжёг их хижины.
Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как уничтожил их многочисленные легионы.
Этот господин вернулся счастливый домой,
после того, как захватил множество пленных.
Император хвалил за это меня исключительно.

Перевод немецкой версии стихотворения

* * *

Он одинок.
Он страшно одинок.
По комнате вышагивает хмуро.
Глядит в окно, где, проживший свой срок,
Клён кажется нелепой креатурой.

В случайной кнайпе цедит свой брантвайн,
 Как шкипер – разменяв последний гульден.
 И рядом собутыльная братва
 Над чем-то ржёт – отпадном и огульном.

Не думать ни о чём и ни о ком,
 Не помнить ни добра и ни насилья.
 Он сжёт бы Рим – чтоб только встать на холм
 И ощутить, как вырастают крылья.

Так жутко-долго взгляд его вовне,
 Что можно видеть: полные печали
 Глаза его в пригубленном вине,
 Как два челна, качаются в бокале.

2010

* * *

(из Аветика Исаакяна, 1875–1957)

Чернобровая, тебя я
 На мосту Риальто встретил.
 Смоль волос твоих – ночная,
 Изумруд серёжек – светел.
 А глаза – два солнца чёрных
 Жаркой страсти и печали.
 Стан твой гибкий, стан проворный
 Пойман в сети пёстрой шали.
 Мне дивиться бы тобою –
 Улыбнулась – ты прекрасна!
 Но, поникнув головою,
 Я сказал себе: Напрасно!

Эта боль, что долго прятал,
 Вдруг вернулась – с новой силой:
 Вот такая ж мне когда-то
 Сердце юное разбила.

Перевод с армянского

2010

* * *

У неё –
 выкуриваю массу сигарет,
 пью, не пьянея, вино
 и чувствую себя на седьмом небе.
Красота окрыляет!

Уходя от неё,
мысленно соглашаюсь с папским легатом,
уроженцем городка Кюз,
подметившим некогда:
красота желает быть любимой!

При этом у меня нестерпимо болит голова.
2011

* * *

Ни огня, ни шороха, ни тона.
Город спит, оставленный тобой,
И душе его опустошённой
Смерть милее бытности земной.

В каждой нашей радости – измена.
И не оттого ль однажды он
Был сожжён, разрушен, а Елена
Возвратилась к мужу – как в полон.
2012

* * *

Он прошёл, не включая света,
В кресло сел и сказал: «Я здесь!»
И при этом не ждал ответа,
Но внезапно напрягся весь:

То ли женщина, то ли кошка,
Смотрит – красный в глазах покой.
А в окне, на скрюченных ножках,
Месяц – в шапочке шутовской.
2014

* * *

Облака плывут – йссиня-сухи,
И нет им дела – куда плывут.
Инспектор Крамер подходит к шлюхе
И говорит с ней восемь минут.

Как набухают её ресницы,
Увидеть можно издалека.
Она упряма – не сговориться.
Он с ней прощается: «Что ж, пока!»

Уходит – сгорбленный, несообразный.
 Она подкрашивает глаз обвод.
 Он ждёт зелёный, идёт – на красный,
 Торопится за поворот.

Думает: «Глупая, нет ей дома.
 Ведь перед Богом держать ответ». –
 Всё о том, ну, когда знакомы
 Люди без малого двадцать лет.

2014

* * *

Ты ветрена. Ты вся – в разброде.
 С тобою быть – не ровен час.
 Ты так единственна в природе,
 Как всё, что восхищает глаз.

Когда от нежности до фальши
 Один лишь остаётся шаг, –
 Ты с лёгкостью уходишь дальше
 И пьёшь с другим на брудершафт.

В тебе – течение гольфстрима.
 Тебя – как музыку с листа –
 Читать. И знать, что ты любима.
 Но нет, ты – вымысел, мечта.

Плыть, плыть – безвольно – по течению,
 Ненужный уронив штурвал.
 Тебя увидел Ботичелли,
 И ручку Гёте целовал.

Я прочитал твой список длинный.
 В нём город – скопище руин,
 И принял образ лебединый
 Неосторожный бог один.

2018

* * *

Владимиру Алейникову

Жил не с краю – в дальнем том краю,
 Где ни городов, ни горожан.
 Стайки сопок. В кузнице – вальжан.
 Я вернусь на родину мою.

Там всё так же. Глушь и – тишина.
День минул – не отыскать улик.
Кормчими богатая страна
В рай вела, да завела в тупик.

Но живут. Протянут ковш-потир:
«Пей и не желай нам перемен».
Всяк мудрец. И грешный этот мир
Видит, как из бочки Диоген.

Может быть, однажды отболит:
Там ли был им, или здесь я гость?..
В три рядка дома – убогий вид,
В шаге от околицы – погост.

Даль, в которой тысячи дорог.
Миражи над синим ковылём.
Смог уйти – глядишь, и вспомнит Бог.
А остался – позабудь о нём.

2016

Виталий Райнгольдovich Штемпель родился 12 декабря 1956 года в селе Хмелёвка (ныне несуществующем) в Целиноградской области в семье депортированных в Казахстан немцев. По окончании восьми классов в селе Петровка Астраханского района поступил в Целиноградский машиностроительный техникум. Окончил Карагандинский политехнический институт. Автор поэтических сборников «Песочные часы», «На уровне дыхания» (2005, 2009, изд-во «Алетейя», Санкт-Петербург), «Попытка пересказа» (2012, изд-во «Водолей», Москва), двух книг переводов из немецкой поэзии – «Говорит любовь» (2011, «Алетейя»), «Гиацинты» (2019, изд-во «Летний сад», Москва). С 1995 года – гражданин Германии. Живёт в городе Фульда.

